

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

Комитет по культуре департамента по делам культуры, молодёжи и спорта
Администрации Тюменской области

Главное управление культуры
Администрации Ханты-Мансийского автономного округа

Комитет по координации научных исследований
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

Администрация города Тобольска

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева

Русские старожилы

Материалы III-го Сибирского симпозиума
“Культурное наследие народов Западной Сибири”
(11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск)

Тобольск – Омск

А. В. Нескоров

Тобольск, государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ТОБОЛЬСКИЕ ИЗРАЗЦЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В последнее десятилетие уходящего века археологами Тобольского музея было обращено внимание на состояние культурного слоя города, преимущественно в его историческом центре. Систематических работ по его изучению не проводилось. Были предприняты попытки вести наблюдения за ходом строительных работ при прокладке тепловых и электрических сетей, канализации и водопровода, а также при возведении новых объектов на территории Тобольского кремля. На отдельных участках, предваряя строительство и крупные ремонтные работы, связанные с выемкой грунта, были проведены охранно-аварийные раскопки, частично перекрывающие площади вскрышных работ. По возможности проводились горизонтальные и вертикальные зачистки уже отрытых котлованов и траншей. Все это вместе взятое позволяет составить первичные представления о некоторых особенностях культурного слоя, накопившегося за четыре столетия существования города. Наибольшее внимание обращается на слои, относящиеся к первой половине истории Тобольска (конец XVI - XVIII вв.).

Во-первых, мощность культурного слоя в нагорной части местами достигает 3 метров от современной дневной поверхности до уровня погребенной почвы и изменяется по нисходящей с юга на север от кремля к земляному валу.

Во-вторых, культурный слой в подгорной части на отдельных участках превышает 4-х метровые отметки и уменьшается по направлению с севера на юг.

В-третьих, совершенно четко просматривается граница разделения двух пачек культурного слоя, сложившихся до и после начала каменного строительства (конец XVII в.).

В нагорной части органические остатки сохраняются плохо. В подгорной, на отдельных участках, органика находится в великолепном состоянии и образует мощные напластования. В целом, культурный слой города чрезвычайно насыщен находками керамики, изделий из металла, костями животных, рыб, фрагментами слюдяных оконниц.

Особую категорию находок составила коллекция изразцов. Наибольший интерес из них вызывает группа красных (терракотовых) т. н. "московских" печных изразцов, которая насчитывает несколько десятков предметов. Все они находятся во фрагментарном состоянии и лишь единственный экземпляр найден целым. Красные изразцы в Сибири появляются в середине и заканчивают свое существование в конце XVII века [Соколова 1998: 171-173].

Находки тобольских изразцов можно предварительно разделить на две группы. Первую составляют изделия, по особенностям техники рисунка (резьбы на деревянной форме и, соответственно, отпечатка на глине) и группам традиционных сюжетных линий, близкую широко известным изразцам центральной части России. Данная группа - несколько небрежно, как бы на поток изготовленные плитки с "рисунками" - клише. Изображают воинов с пищалями, пушками, бердышами. Ряд изразцов этой группы передает изображения птиц, животных, сцены охоты. Эта группа сюжетов очень похожа на те, что были широко распространены в Москве и других городах европейской части страны.

В ней можно выделить ряд сюжетов, отличающихся определенным уровнем информативности. Это сцены охоты на водоплавающую дичь, передвижение войск - пехоты и конницы, штурм каких-то объектов с применением лестниц и т. д. Изразцы данной группы представляют интерес с точки зрения изучения представленных на них исторических и этнографических реалий. На них представлены люди в различного фасона одеждах, головных уборах, бородатые и безбородые.

Демонстрируются разные типы и виды оружия: огнестрельное - пушка, пищаль, пистолет; холодное - копьё, нож, сабля, бердыш. Имеются защитные доспехи, шлемы, элементы конской сбруи, предмет, напоминающий знамя. Некоторые вещи изображены достаточно точно и заслуживают внимательного изучения. Изображения на изделиях этой группы, отличаясь многообразием, зачастую лишены детальной проработки и уступают в этом плане изделиям второй группы, соответствуя большинству признаков широко известному типу "московских" красных изразцов.

Вторая группа близких аналогий не имеет и отличается от первой, с одной стороны, большей тщательностью отделки, а с другой - подчеркнутой реалистичностью изображаемых предметов. Наибольший интерес представляет именно эта группа изразцов. Даже анализ обнаруженных фрагментов дает возможность многое изменить в наших представлениях не только о Тобольске XVII века, но и, в определенной степени, о русской народной культуре той исторической эпохи. Из данной группы наиболее показательны два фрагмента изразцов, на которых стоит специально остановиться. На первом центральное место занимает изображение колеса, на втором изображен домик.

Колесо изображено с восемью спицами, изготовленными в виде балясин. На вершине колеса показана сидящая фигурка. Фрагмент изразца с изображением колеса собран и склеен из трех частей, обнаруженных в разных местах. Сохранность той части, где располагается сидящая на колесе фигурка неудовлетворительна, поэтому точно установить, что там изображено - невозможно. Слева вверху сохранился небольшой фрагмент изображения солнечного диска с лучами. Правее его над головой (?) фигурки - нижняя часть строки надписи. Она не прочитывается.

Наиболее близкие аналогии такого колеса имеются на иллюстрации к Ремезовской летописи к статье "Не влятися семо и овамо, но царским путем идем". Те же 8 спиц в виде балясин, причем вертикально поставлены те спицы (сверху и снизу), что имеют в основании двойное кольцо. Отличается лишь форма "втулки" колеса: на летописном рисунке она круглая, а на изразце - квадратная. Есть и еще одно отличие. Колесо изразца по периметру несет на себе своеобразное утолщение в форме волнообразного нароста. Каждая волна имеет седловидную форму. Всего их на сохранившейся части (большей половине) колеса десять. Колесо из летописи также имеет утолщение - обод, но поверхность его ровная. Однако и он разбит на румбы. Их тринадцать. На том и другом колесе восседают фигуры. В летописи - фигура царя, на изразце можно предположить также лидерскую фигуру каких-то сил. Если привести изображения колес на летописном рисунке и на изразце к одному масштабу, они выглядят как копии друг друга.

Все вышеназванные общие черты и особенности двух изображений свидетельствуют в значительной степени о том, что они могли выйти из под руки одного мастера. Вероятность предположения того, что автором рисунка на изразце и, возможно, его изготовителем был С. У. Ремезов, достаточно велика. Известно, что Семен Ульянович был человеком разносторонних интересов и способностей. Желая широко распространить свою летопись, чтобы знание об истории края, запечатленное не только в тексте, но и в графике, было "всенародному зрению нескрытно", он не смог это реально осуществить. Его летопись была изготовлена лишь в одном экземпляре. Поэтому, можно предположить, что С. У. Ремезов некоторые свои идеи и образы мог тиражировать в другом материале, например, в глине - в форме печных изразцов. Изразцы украшали печи в приказной избе и других широко посещаемых помещениях Тобольского кремля, становились доступными для обозрения широкой публики. В самой летописи сюжет с колесом единичен. Если бы не находка изразца, его бы можно было отнести к разряду случайностей. Теперь это выглядит иначе. Видимо, Ремезов достаточно точно знал, что кроется за этим изображением и появление этого сюжета в летописи не может считаться механическим копированием распространенного символа западноевропейской культуры. Получается, что некоторые символы и образы западноевропейской культуры находились в культурном обороте не только отдельных представителей образованных людей Тобольска XVII в., но и довольно широко были распространены среди населения. Это прекрасно подтверждается демократичностью носителя характеризуемого изображения, каковы-

ми и были тобольские изразцы, широко бытовавшие среди разных слоев жителей Тобольска.

На другом фрагменте показан, вероятно, типичный для тоболяка дом - изба клетского типа. Она представляет собой четырехугольную в плане конструкцию с двускатной кровлей, двумя окнами с односторонними ставнями на торцевом фасаде, с печной трубой на левом скате кровли. Боковой фасад сохранил два окна до излома, на первом из них имеется ставень. Домик опоясан по низу завалинкой и карнизом по нижнему срезу кровли.

Рассмотрим некоторые особенности его устройства, отличные от привычных нам образов рядовой застройки XVII в. Этих отличий всего несколько, но они принципиально меняют наше представление о жилье данного типа и назначения. Окна по сравнению с теми, что изображены в литературе о домах XVII в. кажутся просто огромными. Они не волоковые, а косячатые, причем закрывались ставнями снаружи. Площадь окон на торцевом фасаде составляет 9,6% от площади стены. Для сравнения, волоковые окна посадских домов XVII в. на торцевых фасадах Тихвинского посада составляют самое большее 4,4%; на рисунке-реконструкции в учебнике для архитектурных вузов по истории архитектуры общая площадь всех окон (волоковые и косячатые) составляет 5% от площади торцевой фасадной стены. Площадь поверхности окон на проектных чертежах для "образцовых домов" 1701 г. С. У. Ремезовым предложена в размере 10% от площади стены бокового фасада. Причем именно этот чертеж является максимально точным. "В проекте "брусняного дома" Ремезов вплотную подходит к математически точному чертежу петровского времени" [Кириллов 1974: 60]. Окна городских домов XIX-XX вв., во множестве сохранившиеся до настоящего времени, располагаясь на главном фасаде, занимают 18% стены. Но их три, а не два, как было в XVII в. и полностью господствует стекло. Если бы на домике с изразца было 3 окна, как это имело место на домах рубежа веков, площадь окон составила бы 14,5%, что вплотную приближается к площади остекленных окон.

Из приведенных данных можно сделать некоторые выводы. Изображение волоковых окон в жилых домах XVII в. от рисунков Майерберга и Олеария, как и, скорее всего, на плане Тихвинского посада - это дань какой-то не совсем понятной традиции. Вероятно, этой же традиции придерживался и С. У. Ремезов, изображая дома простого народа в Сибирской летописи, в Чертежной и Служебной чертежной книгах по такому же принципу - с неизменным треугольником волоковых окон и без трубы.

Другое дело - рисунок на изразце и чертеж проекта типового дома. В первом случае он был свободен от канонов изображения на бумаге, во втором ему требовалось создать максимально точный проект для исполнения. Именно поэтому площадь поверхности окон "изразцового" и "образцового" домов практически совпали (9,6 и 10% соответственно). Дополнительным доказательством сооружения больших (красных) косячатых окон в Тобольске, является обнаружение в культурном слое исторического центра города невероятно большого количества слюдяных чешуек и фрагментов слюдяных окон в виде правильных геометрических фигур: треугольник, ромб, квадрат, прямоугольник.

Ставни, как элемент жилища, напрямую связан с косячатым типом окон. В отличие от волоковых окон, "заволакивавшихся" изнутри, ставни закрывают окна снаружи и являются обычной принадлежностью окна в более поздних постройках. Большинство этнографов датирует появление ставней на окнах деревянных домов концом XVIII - первой половиной XIX вв. На тобольском изразце ставни односторонние, навешены с правой стороны окон. Изображены они изогнутым в сторону окна прямоугольником. Ставни имеются на всех окнах сохранившейся части изображения.

Дымовая труба самым тесным образом связана с важнейшим элементом жилища - печью. То, что на изразце изображена дымовая труба, сложенная из кирпича, а не дымник (дымовой короб из плах) свидетельствуют следующие обстоятельства. Наличие больших косячатых окон и карниза, отсекающего фронтонную часть по линии настила потолка предполагают наличие печи по-белому. Кроме того, можно полагать, что довольно многочисленные находки в Тобольске печных изразцов могут свидетельствовать о том, что в данном доме (изображенном на изразце) печь

могла быть изразцовой, а “все изразцовые печи топилась по белому” [Розенфельд 1968: 60].

Карниз дома прекрасно виден, подчеркнутый двумя линиями по периметру верхней части жилища, отделяя фронтоны от торцевой фасадной стены, проходя под боковым обрезом ската кровли. Карниз защищал от дождевых потоков стены дома и являлся дополнительным элементом его украшения. Большие свесы крыш домика на тобольском изразце придают ему характерный для Сибири грибовидный образ.

Совершенно отчетливо показана завалинка дома, отделяющая нижнюю часть стены от земли. Она изображена тем же способом, что и карниз - двумя выпуклыми линиями, снизу опоясывающими домик. Наличие завалинки и расположение окон по высоте примерно на середине стены, свидетельствуют о том, что данный дом не имел подклети. Надо сказать, что графические и этнографические параллели свидетельствуют об отсутствии моды на высокие подклети в Тобольске. Обнаруженные при раскопках и наблюдениях за строительными работами в Тобольске котлованы жилищ, свидетельствуют о широком распространении здесь глубоких, хорошо оборудованных подполий. Наличие завалинок лишь дополнительно подчеркивает эту особенность, как необходимый элемент утепления дома, в котором имеется обширное подполье.

Все названные выше особенности городского жилища, отображенные на второй группе изразцов, позволяют считать, что пробел о представлении образа и некоторых основных элементах устройства народного жилища Западной Сибири второй половины XVII в. может быть в значительной степени восполнен.

В заключение следует указать на некоторые выводы, которые можно сделать в связи с обнаружением терракотовых изразцов в Тобольске.

1. Изразцы второй группы по особенностям техники изображений и сюжетов могут быть выделены в особую группу и именоваться по месту обнаружения “тобольскими”, в то время как первая группа практически ничем не отличается от привычных “московских”.

2. Происхождение тобольского типа изразцов можно со значительной долей вероятности отнести к новой грани творческой деятельности С. У. Ремезова, что особенно отчетливо видно при сравнении изображений некоторых одинаковых абстрактных образов (например, колеса фортуны), на бумаге и керамике.

3. Находка изображения дома (изба-клеть) на тобольском изразце позволяет более четко выявить этнографические признаки жилища Западной Сибири как объекта материальной культуры русского населения второй половины XVII в.

4. Новые представления о народном жилище, полученные в результате изучения тобольских изразцов, позволяют поставить под сомнение некоторые устоявшиеся неверные представления об условиях проживания, гигиены, грамотности, творчества населения края, напрямую зависящие от особенностей конструкции жилища: освещенности, отопления, степени задымленности и т. д.

5. Находка изображения европейского образа на одном из тобольских изразцов дает возможность считать, что степень влияния европейских идей и культуры на русское население Сибири было достаточно серьезным и имело массовый характер. Российское общество (на примере Тобольска), видимо было достаточно открытым для восприятия элементов европейской культуры.

6. Анализ тобольских находок позволяет еще раз поставить вопрос об отдельных элементах особой - по ряду признаков отличной от складывающейся в тот исторический период общероссийской - сибирской культуре. Конечно, для того, что бы это доказать, нужны будут новые, более многочисленные факты. Для этого нужно сохранить и с высочайшей степенью методической техники исследовать культурный слой г. Тобольска, особенно на месте его исторических кремлей.